

Алексей Макушинский

Кристиана Вульпиус. Простая женщина, жена Гете

Скандалный брак

Есть беспробудно-бездарный фильм о ней, снятый в конце девяностых годов. Коровистая Кристиана, исполняемая популярнейшей в Германии Вероникой Феррес, беспрерывно пыхтит, сопит, вопит. Неубедительный Гете что-то мямлит, периодически тоже пыхтя. Задействованы все клише, использованы, из всех возможных, наиболее банальные ходы и возможности. Сплошная истерика и никакого очарования. А между тем, судя по всему, что мы о ней знаем, судя по ее письмам, портретам, воспоминаниям и дневникам современников, ее отличительными свойствами были как раз беззаботная легкость, человеческая приятность и женская привлекательность, способность радоваться, способность быть счастливой. Она и нужна была далеко не всегда счастливому Гете (не зря же говорил он в старости, что за всю жизнь у него было только одиннадцать беззаботных дней) в качестве легкой подруги, отвлекавшей от тяжелых мыслей, затем в качестве жены и хозяйки, давшей ему чувство дома, устроенности и уюта.

Тогда же, в конце девяностых, появилось несколько книг о ней, в том числе замечательное исследование, на основе бесчисленных архивных и опубликованных документов составленное писательницей Зигрид Дамм – «Кристиана и Гете» (именно в таком порядке, не наоборот). А до этого? До этого о ней почти не писали. Биографы Гете традиционно стараются обойти его странный брак молчанием. Биографы, в этом смысле, просто воспроизводят реакцию современников. Брак ведь был с самого начала скандальным, во-первых, потому что целых восемнадцать лет никаким браком не был, то есть был совместной жизнью без церковного благословения – в тогдашнем ханжеском обществе прегрешение чудовищное. Грешить-то они все, конечно, грешили, но втихаря – или хоть делая вид, что грешат втихаря. Герцог Саксен-Веймарский, например, в жизни Гете сыгравший столь значительную роль, грешил в юности направо и налево, затем сожительствовал со своей как бы официальной любовницей, «фавориткой», актрисой (и подругой Кристианы) Каролиной Ягеманн, но, разумеется, в дополнение к своему официальному, церковью освященному браку. Это было можно, это пожалуйста. А вот открыто и без всякого брака сожительствовать с девушкой, да еще, подумать только, с девушкой из народа, с фабричной работницей, книжек, вообще, не читавшей – это ужас, это что же такое, господа, до чего мы дойдем, какое,

однако, падение нравов, дамы падают в обморок, мир катится в пропасть. А Гете, между тем, живет опережающей его время моралью, моралью двадцатого века, в сущности предвосхищает то отношение к браку и совместной жизни, которое проложило себе дорогу во второй половине истекшего столетия, после 1968 года, вообще перевернувшему всю «западную» жизнь. «Жизненное партнерство», как это официально именуется, приравнено в современной Германии, и не только в ней, разумеется, к браку в юридическом смысле, «партнеры» платят налоги так же, как люди, зарегистрировавшие официальный брак, то есть меньше, чем холостые, и в права наследства вступают на тех же основаниях, что жены и мужья. Все это – в будущем, то есть в нашем настоящем (которое слишком часто слишком зря мы ругаем).

Простое происхождение Кристианы – второй, может быть – даже основной, источник общественного негодования и посмертного, соответственно, замалчивания. Ладно бы наш князь поэтов сожительствовал с какою-нибудь графиней, это бы ему простили, как простили ему, например, его многолетнюю, почти официальную, впрочем, судя по всему, что мы знаем, «платоническую» связь с замужней светской дамой, Шарлоттой фон Штейн, которую ради Кристианы он и оставил, но связь с «фабричной девчонкой» повергала современников и потомков в священный ужас.

Надо было дожить до нашего времени, чтобы потомство пересмотрело свои взгляды на эту связь, что, опять-таки, немало говорит об этом нашем времени. Упомянутая книга Зигрид Дамм разошлась баснословными тиражами, больше двух лет стояла в списке бестселлеров, сделала ее саму национальной знаменитостью. Вдруг выяснилось, что Кристиана милее и понятнее потомкам, чем все романтические барышни и светские дамы, окружавшие олимпийца. Кажется, что потомки устали. Они хотят покоя, семейного уюта, хорошей еды, постельных утех. Гете всего этого тоже, конечно, хотел. Впрочем, Гете посложнее был нынешних. Ему хотелось еще и многого другого. Откуда следует, что конфликты были запрограммированы.

Девушка в парке

Она появляется в жизни Гете (и, соответственно, в истории немецкой литературы) внезапно, из ниоткуда, из темноты и неизвестности, в веймарском парке, 12 июля 1788 года. Кто были ее родители? Отец был мелкий служащий, «писарь», подделавший какие-то официальные документы и со службы изгнанный; детство нашей героини прошло в бедности и лишениях. К моменту ее встречи с Гете родители ее уже умерли. В живых была тетка и младшая сестра – обе они переселились затем к Гете и помогли

Кристиане вести хозяйство – и был брат, Кристиан Август Вульпиус, невольно поспособствовавший знакомству своей сестры с олимпийцем. Вульпиус был в тот момент личным секретарем какого-то барона, жившего в Нюрнберге; барон собрался его уволить; оставшись без всяких средств к существованию, написал он уже однажды ему помогшему государственному советнику, министру Саксен-Веймарского герцогского двора Иоганну Вольфгангу фон Гете не дошедшее до нас письмо с просьбой о помощи; вот это-то письмо двадцатитрехлетняя Кристиана и передала тридцатидевятилетнему Гете в парке; в тот же вечер, по всей вероятности, она стала его любовницей. Интересно, что этот брат был причастен к литературе; много лет безуспешно пытался вырваться из нищеты с помощью тривиальных романов, угождавших вкусам широкой публики; один из них, «разбойничий роман» под звонким названием «Ринальдо Ринальдини» принес ему, в конце концов, некоторую известность. Он и до сих пор издается, был даже на русский переведен. Таких с позволения сказать писателей «классики» Гете и Шиллер не пускали к себе на порог; Гете тем не менее всю жизнь помогал «зятю», сделав его в конце концов хранителем веймарской герцогской библиотеки.

А сама Кристиана что делала до встречи с олимпийцем? Ловкий предприниматель, по имени Фридрих Юстин Бертух, организовал в Веймаре мастерскую по изготовлению искусственных цветов – вещь по тем временам дорогая, привозившаяся из Парижа, цветами этими местные дамы украшали, ясное дело, свои шляпки и чепчики, прикалывали на платья, бывало и ставили в вазочки. Предприятие, задуманное женой Бертуха и незамужней ее сестрой, преследовало не только коммерческие цели; идея была для своего времени почти революционная – занять девушек из небогатых семей, привить им ремесленные навыки и начатки художественного вкуса, а заодно и помочь собрать деньги на приданое. Современники не вполне оценили этот замысел – девушка, целые дни проводившая вне дома, получала репутацию сомнительную. «Боже, смилуйся над мужьями, которые будут наказаны такими женами», пишет некий посетивший мастерскую путешественник. С такой репутацией Кристиане предстояло прожить всю жизнь. А между тем, для нее и для ее семьи эта ее работа на фабрике была чуть ли не единственным источником дохода.

Не забудем, что Веймар того времени – крошечный городишко, семь тысяч жителей, провинция, мнящая себя столицей, захолустье с претензиями, все всех знают, все обо всех говорят, судачат, перемывают друг другу косточки. Связь Гете с

«простушкой» тоже недолго оставалась секретом.

Эротика

За три недели до роковой встречи Гете возвратился из Италии. Итальянское путешествие – а правильнее сказать: почти два года, прожитые им в Италии, в основном в Риме – в жизни Гете эпизод важнейший, как бы разделяющий эту жизнь на две части, на «до» и «после». А это и была середина жизни, в тридцать семь лет он уехал, в тридцать девять вернулся. Вообще, немецкая мечта об Италии – отдельная тема. Немецкая любовь к Италии уходит корнями в Средневековье, во времена «Священной Римской империи германской нации», к тем монахам и художникам, которые с великими трудами и страхами перебирались через Альпы в поисках знаний и красоты. Симпатия эта взаимная. Немцев ведь в Европе не любят, в Голландию с немецким номером на машине вообще лучше не въезжать, французы воротят нос, немецкий паспорт берут в руки, как жабу. А в Италии все наоборот, радостные улыбки, солнце сияет. Я утрирую, разумеется, но отчасти это все же так.

Гете впервые поехал в Италию – но не доехал до нее – еще в 1775 году, в двадцать шесть лет: эпизод многозначительный, «роковой», каковых в жизни Гете было вообще немало. Дело было так: юный, только что вступивший на престол герцог Саксен-Веймарский Карл Август, познакомившись с молодым и уже прославленным писателем, автором «Вертера», пригласил его в свою резиденцию в качестве друга, советника, фаворита; Гете, в ту пору живший у родителей во Франкфурте, приглашение принял. Отец его, отнюдь не в восторге от такой сомнительной перспективы, уговаривал его отправиться лучше в Италию, где сам бывал в юности – что и в его, отца, жизни было, кажется, эпизодом важнейшим. Карл Август должен был прислать за Гете экипаж – экипаж почему-то не появлялся, а вещи были собраны, а нетерпение вообще свойственно молодости. Гете поддался на отцовские уговоры, доехал до Гейдельберга – где его догнал курьер с сообщением, что экипаж прибыл и ждет его. Гете колеблется – и поворачивает обратно на север. Начинается «первое веймарское десятилетие», отмеченное непрерывным участием Гете в государственных делах, в придворной жизни, творческим кризисом и странной, мучительной для него связью с Шарлоттой фон Штейн, поставившей себе целью воспитать «молодого дикаря», «буйного гения» (как тогда говорили), привить ему светские манеры и придворные навыки, любовь к классической соразмерности и «золотой середине».

От всего этого он бежит, в 1786 году, все в ту же, конечно, Италию. Это было

бегство к себе самому, разумеется, спасение дара, но это было и бегство в страну все той же, все-таки, классической соразмерности, в Аркадию и в идиллию, к истокам европейской культуры, в мир мрамора и гекзаметров. И в сферу эротики, в страну плотских утех.

Среди филологов бытует мнение, что Гете до итальянского путешествия, то есть почти до сорока лет, оставался девственником, что со всеми его бесчисленными Клэрхен и Минхен, в которых он влюблялся в молодости, дело не шло дальше писем и стихов, в лучшем случае – поцелуев украдкой. Доказать это, разумеется, невозможно, но гипотеза кажется правдоподобной. Существует – вполне, конечно, умопомрачительная – «психоаналитическая» биография Гете, сочиненная американским психоаналитиком австрийского происхождения Куртом Эйсслером. Все дело, видите ли, в том, что выражение «gen Italien», то есть, на немецком языке гетевской эпохи, «в Италию», звучит как «Genitalien», то есть, соответственно, «гениталии» - шуточка вполне в духе «венского шамана», как называл Фрейд Набоков. А вот другая игра слов, в тысячу раз интереснее этой. Первой – в простом и грубом смысле – женщиной автора «Фауста» была, судя по всему, римская трактирщица по имени Фаустина; человеческой жизнью все же явно управляет кто-то, кому никак нельзя отказать в остроумии (да простится мне это легкое богохульство).

Занятия «наукой любви», которой Гете, по-видимому, начал овладевать в Вечном городе, и были продолжены в Веймаре со столь удачно подвернувшейся ему Кристианой. О том, что им предстоит прожить вместе целую жизнь, оба, надо полагать, поначалу не думали. Гете, однако, почти сразу поселил ее в своем «садовом домике». Это время – время создания «Римских элегий», одного из гетевских шедевров; в античном духе и античным размером написанные стихи, очень, по тому времени, «вольные», обращены по видимости к некоей римской возлюбленной, но черты веймарской отчетливо сквозь них проступают, Фаустина сливается с Кристианой. Не могу удержаться, чтобы не процитировать (в переводе С. Ошерова) хотя бы небольшой отрывок:

Рад я: теперь-то меня классический край вдохновляет,
Древний и нынешний мир внятно со мной говорят.
Я, исполняя совет, неустанной рукою листаю
Древних творенья, - и здесь мне все дороже они.
Правда, всю ночь напролет неустанно служу я Амуру:
Вдвое меньше учен - вдвое счастливей зато.
Впрочем, рукою скользя вдоль бедра или исследуя форму
Этих прекрасных грудей, разве же я не учусь?
Мраморы только теперь я постиг: помогло мне сравненье;

Учится глаз осязать, учится видеть рука.
Милая мне, не скупясь, возмещает ночными часами
Те часы, что она днем у меня отняла.
Мы и беседуем с ней, а не только целуемся ночью;
Сон одолеет ее - я, размышляя, лежу.
Даже стихи сочинял я не раз, ее обнимая,
Стопам гекзаметра счет вел, у нее по спине
Пальцами перебирая. Любимая в сладкой дремоте
Дышит, и вздох ее мне в грудь проникает огнем.
Ярче светильник меж тем разжигает Амур, вспоминая
Пору, когда он служил так триумвирам своим.

Легко представить себе, в каком ужасе была, прочитав это, госпожа фон Штейн, супруга герцогского шталмейстера.

Экономка

Когда их связь обнаружилась, общество было шокировано. Герцог так рассердился на своего фаворита, что просто-напросто выселил его из знаменитого дома на Фрауенплане, где теперь музей и где Гете надеялся жить со своей Кристианой. Дом этот ему не принадлежал; лишь через несколько лет он делается его собственностью. А мы думаем – Веймарская классика, вершина мировой культуры, вот бы и нам туда... На самом деле, зависимость от власть предержащих со всеми их прихотями была еще вполне «феодальной», для нас почти уже невообразимой. Пришлось переселиться за городские ворота; лишь через три года герцог смилостивился и возвратился Гете его прежнее обиталище. Милость эту надо было еще заслужить... В декабре 1789 года – в год французской революции, следовательно! – рождается первенец, в честь все того же герцога названный Августом, единственный выживший из их пятерых детей. Судя по всему, у Гете и Кристианы была так называемая несовместимость по резус-фактору. Современная медицина с этим справляется, тогдашняя не знала, что делать.

Положение Кристианы. В официальных терминах – «экономка в доме Гете». В неофициальных – невенчанная жена, мать незаконнорожденного (в понятиях эпохи – чуть ли не уголовное преступление). Слава и положение Гете, конечно, исключали прямые преследования со стороны полиции и закона, но общественное презрение, но преследования со стороны возмущенных мещан, мнящих себя аристократами, предотвратить не могли. Мещане – что? Страшнее, как известно, мещанки. Чего только не говорили о ней Веймарские дамы. Она и «кругла, как ноль» (Кристиана, в самом деле, была женщина не худенькая), и его, Гете, «толстая половина», и вообще «потаскушка». Во главе добродетельной своры обнаруживаем Шарлотту фон

Ленгефельд, в 1790 года вышедшую замуж за Шиллера; сам великий драматург ничем, увы, от жены своей в этом отношении не отличался; при всей своей знаменитой дружбе с Гете, Кристиану старался не замечать.

Знаменитая дружба начинается в 1794 году, Шиллер живет в соседней с Веймаром Йене – куда Гете все чаще бежит от семейной идиллии, к тому времени уже наладившейся (он вообще всегда бежал из неудовлетворявших его обстоятельств, бегство – если не основной, то один из ведущих мотивов всей его жизни). Для семейной жизни он создан, очевидно, не был. Главное – не мог работать не в одиночестве, в условиях не совсем полной свободы. Пускай вся жизнь веймарского дома была подчинена его разнообразным занятиям и увлечениям, литературным и научным, все равно он чувствовал себя скованным и себе не в полной мере принадлежащим. Бежал в разные места, но всего чаще – в Йену, где жил, как правило, в пустующем герцогском замке, в «монашеских», как сам он пишет, условиях. Кристиана должна была посылать ему еду и вино, письма его полны жалоб на неудобства йенской жизни, невозможность пообедать так, как он привык, отсутствие какого-то особенного пафоса. Это фактически означает, что она ведет двойное хозяйство; хозяйственные заботы и составляют, в общем, основное содержание ее жизни. У нее свой круг друзей, у него свой. Что она любит, чем она живет? Любит танцевать, может танцевать часами, с гордостью сообщает в письмах, что «проплясала» себе подметки. Любит театр, комедию. Дружит с актерами. С годами становится чем-то вроде посредницы между Гете, как-никак директором Веймарского театра, вечно требовательным, вечно недовольным, и актерами, не всегда охотно ему подчинявшимися. Читала она только в плохую погоду, если делать больше нечего было. Читала ли самого Гете? Кое-что, по-видимому, читала. Разбойничьи романы брата были ей, наверное, ближе.

Госпожа тайная советница

Мы никогда, наверное, не узнаем, почему он решил, в конце концов, жениться на ней – и почему не сделал этого раньше. Есть легенда, кочующая из книги в книгу. 14 октября 1806 года части французской армии, опьяненные победой Наполеона над пруссаками под Йеной и Ауэрштедтом, заняли столицу крошечного герцогства; начались грабежи, от которых многим веймарцам, в частности – брату Кристианы, еще годы спустя не удалось оправиться. Дом Гете пощадили, в нем должен был остановиться маршал Ней. Но маршал задерживался; так называемая «охранная грамота» была выписана лишь на следующий день. А ночью в дом ворвались мародеры. Что именно произошло, мы в

точности не знаем и никогда, наверное, не узнаем. Пьяная солдатня угрожала, якобы, Гете оружием, бесстрашная Кристиана, будто бы, защитила его своей пышной грудью. После чего, согласно легенде, он и решил на ней жениться, а решив, уже через несколько дней, 19 октября, осуществил задуманное. Поспешность, предполагает Зигрид Дамм, могла быть вызвана отсутствием в Веймаре герцога, который наверняка стал бы отговаривать своего друга. А если герцог «отговаривает», то другу и «князю поэтов» приходится подчиняться. Вообще, мотивы человеческих поступков, особенно – значительных поступков, всегда окутаны тайной; возможно, смерть близких им обоим людей, Шиллера в 1805 году и тетки и сестры Кристианы, неожиданно скончавшихся почти одновременно в начале все того же 1806 года, сыграла здесь не меньшую роль.

Как бы то ни было, «мамзель» Вульпиус становится госпожой тайной советницей фон Гете. Теперь ей надо наносить светские визиты и принимать чопорных дам; она справляется с этой ролью, как может; Гете не подготовил ее к новым обязанностям. Он по-прежнему часто отсутствует, проводит долгие месяцы в великосветском тогда Карлсбаде – Кристиана одна ездит на более скромные курорты – вновь влюбляется в молоденьких девушек, по-видимому опять платонически. Наверное, от былой страсти немного осталось с годами, она сменилась благодарностью, верностью – и уверенностью в верности, если угодно – любовью. Гете, что бы ни было, на ее стороне; в 1811 году в Веймаре появляется экзальтированная Беттина фон Арним, урожденная Brentano, сестра одного и жена другого поэта-романтика, писавшая Гете восторженные письма, вообще претендовавшей на какую-то особую, чуть ли «метафизическую» связь с великим человеком. Кристиану она третировала как досадное недоразумение, Кристиана, ясное дело, тоже не была от нее в восторге. Дело дошло, наконец, до открытого столкновения. Беттина обозвала жену своего, якобы, избранника «взбесившейся кровяной колбасой»; та, недолго думая, вlepила ей пощечину, причем так неловко, что разбила ей очки, чуть ли ее не поранила. Гете сразу встал на сторону жены, переписку с Беттиной прекратил, встретиться с ней отказался. Отношения Гете с романтиками были испорчены навсегда; не будь этих разбитых очков, история немецкой литературы пошла бы, возможно, по немного другому пути.

В январе 1815 у Кристианы случился инсульт. Она оправилась, но здоровье ее с этого момента начинает ухудшаться, письма полны жалоб на недомогание. Годы ее заката совпадают с его, Гете, новым, неожиданным, расцветом. Шестидесятишестилетний поэт чувствуют себя – и выглядит – волшебным помолодевшим, начинает

сочинять «Западно-восточный диван» - вершина его позднего творчества – , вступает в переписку с Марианной фон Виллемер, замечательной женщиной, женой богатого франкфуртского предпринимателя, проводит несколько недель в гостях у нее и ее мужа. Он обращается к ней в стихах под именем выдуманного им персидского поэта «Гатема», она отвечает, тоже в стихах, как «Зюлейка»; Гете, обработав их, включает ее ответы в свой «Диван».

Обо всем этом Кристиана, наверное, даже не знала. В мае 1816 она переносит второй инсульт, у нее развивается уремия (острая почечная недостаточность). Умирала она мучительно; Гете при ее агонии, видимо, не присутствовал. 6 июня 1816 года мучения ее закончились. Не присутствовал Гете и на похоронах – он на них вообще никогда не присутствовал. Боялся смерти, не хотел ничего о ней слышать. Смерть близких приходилось скрывать от него. Так, через четырнадцать лет после смерти Кристианы и за два года до его собственной, не решались сообщить ему о внезапной кончине его сына Августа, по стопам отца и деда отправившегося в свое собственное итальянское путешествие и смертельно заболевшего в Риме.

Конечно, все разговоры о том, что Кристиана – сама по себе интересная и значительная личность, полный вздор. Все они – и Кристиана, и Шарлотта фон Штейн, и все бесчисленные Клэрхен и Минхен, и даже Марианна фон Виллемер интересуют потомков только потому, что Гете задел их своим крылом. Или, иначе, они не менее, но и не более интересны, чем любой другой человек. Любая жизнь, если внимательно приглядеться к ней, поучительна. Но почему-то мы приглядываемся все же именно к тем жизням, которые были задеты личностями необыкновенными, к друзьям Пушкина, да и к его врагам, к приятелям или соперникам Лермонтова. Да и документы, как правило, отсутствуют. Мы просто ничего бы не знали о Кристиане, не сделайся она сначала любовницей, затем женой веймарского олимпийца. В том же Веймаре на той же, или соседней улице, наверняка жила другая какая-то девушка, не хуже, небось, Кристианы, Гете, однако, на глаза не попавшаяся. Можно было бы написать о ней повесть, придумать ей имя. Можно было бы. Но мы все же пишем о Кристиане Вульпиус. Она была такой, какой была. Не подделывалась, не притворялась. Любила. Умела радоваться и радовать. Не боялась, не щадила себя. Может быть, главное – на вызов жизни старалась ответить лучшим, достойнейшим образом. Чего еще надобно?